

Издательство
литературы
и искусства
имени
Гоффа Гумбо

В серии
«ФАНТАСТИКА, ПРИКЛЮЧЕНИЯ»
выйдут книги:
Двухтомник «Советская фантастика
20 — 40-х годов»
Том 1 — «Гибель шахмат»
Том 2 — «Адское пламя»
Сборник «Костры миров»
Сборник «Лилгримья»
Сборник «Недетские игры»
Сборник «Завещание чудака»
Сборник «Шок»

СЕРГЕЙ БЕЛЯЕВ
ВЛАСТЕЛИН
МОЛНИИ

2 р. 50 к.

К БИОГРАФИИ ЖАНРА

(Размышления о фантастике)

1

Сегодняшнему читателю, привыкшему к изобилию фантастических книг (в основном переводных), не так легко, думаю, представить состояние нашей научной фантастики начала и середины 50-х годов. Но для того и существует Слово, чтобы с его помощью заглядывать в Прошлое или в Будущее. Когда бы и каким бы тиражом ни выходила книга — в начале ли века, в ста ли экземплярах — если она была издана, для истинного любителя научной фантастики она, конечно, существует. Впрочем, мы вообще никогда не живем в чистом Сегодня. Будущее и Прошлое. Завтра и Вчера — они всегда рядом. Достаточно выглянуть в окно, чтобы увидеть, скажем, каменное здание, сооруженное еще в конце XIX века (мы можем, собственно, жить в таком здании), или увидеть галдящих под окном ребятшек — жителей следующего, уже XXI века...

В литературе дело обстоит примерно так же, хотя со своими тонкостями.

«Фантастику наших дней — и советскую, и зарубежную — можно сравнить с айсбергом, в отличие от природных — непрерывно прирастающим сверху, — писал в книге «В поисках завтрашнего дня» (Свердловск, 1981) Виталий Бугров, один из самых глубоких знатоков отечественной фантастики. — Только в нашей стране десятки книг, сотни публикаций в журналах, альманахах и сборниках устилают ежегодно поверхность этого научно-фантастического айсберга. И он, понятное дело, тяжелеет, оседает, все более погружаясь в глубину, скрывая от наших глаз книги, еще вчера бывшие на виду, еще вчера общеизвестные и общедоступные. Уже фантастика 50-х годов, родная и близкая читателям моего поколения, погребена под толстым слоем более поздних отложений. Что же говорить о фантастике довоенной...»

Именно с ней, с фантастикой прошлого, с фантастикой довоенной, послевоенной и 50-х годов, о которой идет разговор, связано творчество советского писателя Сергея Беляева, работавшего в литературе как раз в те годы.

В таком разговоре не уйти, конечно, от каких-то своих воспо-

минаний, может быть, именно они и будут интересны. Ведь тогда, в 50-е годы, мое поколение не очень-то избаловано было книжным богатством (речь, разумеется, идет о фантастике). Лучшее, что тогда выходило в свет, можно впопыхе перечислить по пальцам: блистательные романы Алексея Толстого (написанные, понятно, гораздо раньше), книги Александра Беляева (изданные, наконец, после очень долгого перерыва), «На краю Ойкумены» и ранние произведения Ивана Ефремова, географическая и этнографическая фантастика Леонида Платова, романы и повести Александра Казанцева и Георгия Гуревича, памфлеты Лазаря Лагина, «Плутония» и «Земля Санникова» Владимира Обручева, и, конечно, не составляя труда отыскать многочисленные издания адептов «фантастики ближнего прицела» — Владимира Немцова, Вадима Охотникова, Виктора Сапарина.

Как видно из этого перечисления, жили мы, конечно, не в раю, но и не в пустыне. Ведь, кроме А. Толстого и В. Обручева, мы хорошо знали незабвенного Жюль Верна, тех же Герберта Уэллса и А. Конан-Дойла — их книги свободно продавались в магазинах Когиза, всегда радушно распахнутых, — были деньги.

Денег, к сожалению, не было.

Личных библиотек, в нынешнем понимании, тоже было немного (особенно в провинции), но какие-то книги, естественно, можно было найти чуть ли не в каждом доме. Там случались удивительные находки. Помимо приключенческие романы забытого ныне Эмилию Салгари, великоленого Райдера Хаггарда, «Затерянный мир» А. Конан-Дойла в переводе Н. Волжиной, «Борьбу миров» Г. Уэллса с иллюстрациями Альвем-Коррээ... Именно так, случайно, на бедной этажерке у одного из своих приятелей, я обнаружил однажды расстрепанный том Сергея Беляева.

«Властелин молний».

Плотная бумажная обложка, на обложке волевое лицо, озаренное сиянием шаровых молний, выкатывающихся прямо на читателя... Беляев? Что за Беляев? Почему Сергей?

Мы, понятно, знали Александра Беляева.

Роман был мгновенно прочитан и перечитан. Новое имя прочто осталось в памяти, начался сознательный поиск книг этого писателя, неуловимо схожего со своим знаменитым однофамильцем и все же совсем другого.

Плотная обложка, волевое лицо, катящиеся прямо на тебя шаровые молнии...

В давно неперездававшихся книгах всегда есть какая-то трудноразгадываемая прелесть...

Хорошо помню, как в декабре 1976 года в Москве на первом такого рода семинаре молодых фантастов Аркадий Стругацкий

прочел нам несколько необычную лекцию о прелести прочитанных в детстве книг.

Возможно, лекция называлась как-то иначе, сейчас не помню, но речь в ней шла именно о том, что книга, прочтенная в ранние годы, может быть, как ничто другое, способна повлиять на человека; иногда она определяет всю его дальнейшую жизнь. Не буду ссылаться на общеизвестные примеры, когда, скажем, ученый становится ученым благодаря тем же Жюлио Верну, Конан-Дойлу, Ефремову... А. Стругацкий в своей лекции обращал наше внимание прежде всего на то, что книги, какими бы они ни были, к сожалению, рано или поздно уходят. Иногда они просто переживают себя, иногда их вытесняют, выталкивают из круга чтения искусственно. Будьте щедрыми, призывал А. Стругацкий. Делитесь прочитанным в детстве с друзьями.

Понятно, подчеркивал А. Стругацкий, отнюдь не каждая книга может вернуться к читателю. Скажем, «Человеком-амфибией», переизданной в 50-х, зачитываются и сейчас, но кто будет читать «Чудесное око» того же автора?

Будьте щедрыми. Делитесь собственным прошлым. Делитесь страницами, освещавшими ваше детство.

Обращаясь к творчеству Сергея Беляева, невозможно было не вспомнить эти слова.

Сегодняшний интерес к истории (а литература вовсе не самая малая ее часть) не случаен. Слишком долго мы довольствовались теми урезанными пайками, что выдавались нам чиновниками от различных ведомств. Вот почему каждая новая публикация, каждая возвращавшаяся к нам книга стоит потраченного на них времени. Ведь фантастика нашего прошлого вовсе не сводится к десятку, пусть и прекрасных, имен, ведь рядом с А. Толстым, А. Беляевым, В. Обручевым работали в свое время Валерий Язвицкий, Владимир Орловский, Яков Окунев, Вивиан Игин, Михаил Гирели, Владимир Тан (Богораз), Анатолий Шишко, Михаил Розенфельд, Николай Плавильщиков, Юрий Долгушин, Сергей Григорьев, Виктор Гончаров, Николай Борисов, тот же Сергей Беляев и многие другие советские фантасты.

Разный дар. Разные возможности. Разные судьбы...

Но они, эти писатели, были. Они, в меру своего таланта, работали. Они хотели, наконец, быть услышанными.

2

Популярность фантаста Сергея Беляева несомненно уступала популярности его знаменитого однофамильца. Это, впрочем, не означает, что книги Сергея Беляева были скучнее и плоше, чем те

же «Властелин мира» или «Голова профессора Доуэля». Просто издавались они давно и вряд ли их можно отыскать в нынешних библиотеках. Относительно повезло научно-фантастическому роману «Приключения Семюэля Пингля», в 1959 году переизданному небольшим тиражом издательством «Молодая гвардия».

В свое время Сергей Беляев был как раз достаточно известен. Свидетельством тому его имя, мелькающее во многих литературоведческих работах. Добрые слова о книгах Сергея Беляева слышал я от Е. Брандиса, С. Снегова, Д. Биленкина. Сергей Абрамов, отвечая в 1979 году на анкету журнала «Уральский следопыт», писал: «Первый фантастический рассказ я начал писать в школе. Было мне тогда от роду девять лет, учился в третьем классе, бредил Жюлем Верном и обоими Беляевыми...»

Обоими Беляевыми...

Кто-то из литературных критиков заметил, что писательская судьба Сергея Беляева могла сложиться и более удачно: с его неустойчивым воображением, с его умением строить увлекательный сюжет, с его спокойным интересом к текущим политическим событиям, к новинкам науки и техники, он, конечно, мог написать больше, чем три романа и две повести (речь сейчас идет только о его научно-фантастических произведениях).

Но и то, что сделано С. Беляевым, позволило его книгам занять свое место в истории советской фантастики, интерес к которой у читателей никогда не падал, напротив, всегда неуклонно рос.

Это неувидительно.

Все мы, напомню, живем в эпоху НТР — научно-технической революции, никого из нас не может не волновать возможное направление современных исследований. Наш мир, несомненно, стал удобней для жизни (кто ж предпочтет нынешнюю квартиру курной избе XVII века или донаторической пещере?), но несомненно и то, что наш мир сегодня волею самого человека во многом стал опасен для него самого. Я имею в виду не только ядерное оружие, о котором мы склонны забывать в суете будней, но и проблемы АЭС, искусственных водохранилищ, вообще влияния на климат — все то, чему виной, повторяю, мы сами.

Писателю-фантасту легче касаться глобальных тем. Писатель-фантаст не скован рамками времени и места, он может выбрать любого героя, вплоть до пришельца с иных планет.

Если взять за основу схему, разработанную одним из старейших нашей фантастики Г. И. Гуревичем, жанр этот легко разбить по темам: фантастика чистой мечты (к примеру, А. Грин, «Бегущая по волнам»), фантастика научных идей (Н. Лукин, «Судьба открытия», Г. Гуревич, «Делается открытие»), лабораторная (те же В. Немцов, В. Сапарин), производственная (Ф. Кандыба, «Горя-

чая земля»), фантастика предостережений (А. и Б. Стругацкие, «Хищные вещи века», «Миллиард лет до конца света»), наконец, утопия (примеры общеизвестны). Если смотреть на фантастику как на специальный прием, она легко разбивается на познавательную (Жюль Верн, Н. Плавильников), приключенческую, психологическую (тот же «Человек-невидимка» Г. Уэллса), наконец, на политическую сатиру (вспомни «Атавию Проксиму» Л. Лагина или романы Валентина Иванова).

Перечитывая книги Сергея Белыева, видишь его широкий интерес к самым разным направлениям фантастики; достойно сожаления то, что он не всегда ценил фантастику психологическую...

3

Сергей Михайлович Белыев родился в январе 1883 года в Москве в семье священника. Жизненный путь его складывался неровно, будущий писатель перепробовал самые различные занятия, был даже певчим, служил в театре (об этом невольно вспоминаешь, перечитывая «Приключения Сэмюэля Пингля»), сотрудничал в РОСТА. Лишь закончив Юрьевский университет, Сергей Белыев получила твердую профессию лечащего врача. Этим делом он и занимался всю жизнь, не оставляя его даже ради литературы.

Наверно, уместно заметить, что в фантастику писатели чаще всего приходят из науки. Исключений не много, объяснение тоже просто: коль уж фантастика научна, значит, автор ее должен свободно разбираться в тех или иных проблемах. И. Ефремов был известным палеонтологом, основателем одной из важнейших ее дисциплин — тафономии. А. Казанцев — инженер, изобретатель, А. Шамимов, Д. Биленкин — геологи, В. Обручев — академик (я называю буквально первые приходящие в голову имена), Н. Плавильников — доктор биологических наук, энтомолог, младший Стругацкий — астрофизик, и так далее... У каждого были свои мотивы заниматься, казалось бы, далеким от науки делом. И. А. Ефремов, например, объяснял это так (цитируется по уже упоминавшейся книге В. Бугрова): «Причиной тому (обращению к фантастике — Г. П.) — два обстоятельства. Прежде всего, неудовлетворенность системой доказательств, которыми может оперировать ученый... Плавильников и замыслы любого ученого необычайно широки. А исполняются они, я думаю, в лучшем случае процентов на тридцать. Вот и получается: с одной стороны — всевозможные придумки, фантазии, гипотезы, обуревающие ученого, а с другой — бессиле добыть для них строго научные доказательства. Добыть на данном этапе, при

жизни... И ясное сознание этого бессилия. А в форме фантастического рассказа я — хозяин. Никто не спросит — где вычисления, опыты? Что взвешено, измерено?... А второе обстоятельство — неадекватность окружающему миру. Она, замечу, свойственна каждому человеку, полностью могут быть довольны лишь животные, да и то не всегда. Писатель, как и ученый, мечтает о лучшем, о гораздо лучшем. Но тяжелей воз истории кажутся своим темпом к далеким горизонтам, и темпы эти не упрекнешь в излишней спешности. А живем-то мы сейчас!..»

Трудно сказать, какая причина подтолкнула к научной фантастике Сергея Белыева, — ведь начал он с обыкновенной прозы. Герой его ранних произведений, как правило, интеллигент, человек мятувшийся, далеко не всегда понимающий то, что происходит рядом, даже в нем самом... Тот, кто читал ранние книги Сергея Белыева, обратил, наверно, внимание на широту его интересов: в соавторстве с Б. Пильняком им был создан полудокументальный роман о боянях («Мясо»), он издал «Семинарские очерки» (1906; само название определяет жанр), сборник рассказов «Пожар» (1926), «Записки советского врача» (1926). Видимо, сотрудничество в РОСТА помогло ему написать повесть «Как Иван Иванович от большевиков бежал» (1926); писал он пьесы, книги для детей, сценарии — как профессионал считал, что должен уметь все.

Это, разумеется, не означало, что во всем он непременно добивался успеха.

Не во всем. К сожалению, далеко не во всем. И в литературе он остался именно как фантаст, хотя ни за что его так не ругали, как за фантастику.

4

Да, ругали за фантастику... При этом, первый научно-фантастический роман Сергея Белыева — «Радиомозг» (1928) — был принят с интересом. Изданный тиражом всего лишь в пять тысяч экземпляров роман тут же стал редкостью. Написан он был в приисущем тому времени весьма деликатном стиле, в нем было все, что только могло привлечь внимание читателя: закрученный детективный сюжет (в чем С. Белыев всегда оставался мастером), невероятные загадки, «научная» идея, касающаяся неких таинственных це-лучей.

Склонный к игре, искавший успеха, автор кое-где, конечно, переигрывает, теряя меру, шел на поводу у читателей. Ничем иным не объяснишь традиционные «неожиданности», пугающие читателя в конце едва ли не каждой главы...

«Около каалитки свосго палисадника Лука поднял глаза и вздрогнул.

Перед ним, прижавшись к березе, стоял и дрожал голый человек»...

Или:

«В это время чужие холодные руки легли на ее обнаженные плечи.

Илона слабо вскрикнула»...

Пересказывать роман не к чему, он включен в книгу. Замечу лишь, что при всех своих недочетах, он читается и сейчас, может быть, сейчас он даже более интересен, чем в те времена, ведь он весь — дитя своей эпохи, которая ощущается там во всем: в языке (все эти — «наркомздравовец», «лекном», «самуок»...), в героях (весьма типичные для тех лет энергичный и преданный общему коллективному делу инженер Гэз, интеллигентный, не всегда «готовый к конкретным действиям доктор Так, весьма решительный, все понимающий, умеющий разрешить любой конфликт «главный начальник химической промышленности Софьза» Глаголев, наконец, Мишутка, этот несколько безалаберный «рубаша-парень», любимчик всего завода, любитель музыки, самостоятельно написавший «пролетарскую симфонию для домр»). Сам строй фразы, тональность романа — они тоже из той эпохи — кипучей, восторженной, переливающейся всеми красками.

Так, в цвете, роман и заканчивается:

«...Так смотрел на залу, заполненную работниками и работницами.

Перед ним колыхался цветущий луг живой рабочей массы»...

Доктор Так, совершивший великое открытие, не торопился сообщать о нем людям. Ему хотелось все обдумать, все довести до логического конца, но (и это весьма важно, как для героев, так и для автора романа) подобное открытие ведь могут сделать и враги... Что тогда?

Тогда «...проснувшись, он (радиомозг. — Г. П.) начнет думать... Он начнет прислушиваться к Парижу, Берлину, Копенгагену, все складывать в себе, все, что жаккие дипломаты пытаются утаивать друг от друга. И потом радиомозг величественно по всему земному шару даст очередную порцию це-волн, которые вопьются в мозги людей, зарезая их мыслями... и люди сойдут с ума, истреляя друг друга в последней войне».

Запомним это — в последней войне...

Не зря в послесловии к роману инженер Б. Б. Кажинский подчеркивал:

«Обладание этим небывалым грозным оружием (радиомозгом. — Г. П.) должно принадлежать только коллективу, а отнюдь не отдельным индивидуумам, и тем более с злой волей... Человечеству нужен «радиомозг» не для удовлетворения антисоциальных инстинк-

тов отдельных личностей, а для общечеловеческого мира и счастья».

Нельзя, думаю, напомнить и вывод, следовавший из послесловия:

«Возможно, что техническому исследованию процесса мышления мы будем обязаны тем, что научимся посылать в пространство искусственные «мыслительные» волны.

Быть может, в нашей власти будет приблизить и этим путем ускорить осуществление лучшей коллективной жизни трудящихся».

Быть может... Этим путем... Лучшей коллективной жизни...

Напомню, послесловие писал не фантаст, не гуманитарий, а конкретный, работающий на производстве инженер. И это тоже деталь того времени,

5

«...Истрелял друг друга в последней войне».

Думаю, эта фраза не была случайностью, — Сергей Беляев уже в то время обдумывал свой следующий роман, и роман этот целиком посвящался войне. Будущей войне.

Сейчас нам не просто представить назлектризованную атмосферу конца 30-х годов; лишь перелистывая пожелтвшие от времени военные газеты и журналы, перебирая старые книги, давно ставшие библиографической редкостью, видишь, чувствуешь, остро ощущаешь тот повышенный, ягучий интерес к нашему вполне возможному, даже в чем-то предопределенному самой ситуацией, сложившейся тогда в мире, столкновению с международным фашизмом — прежде всего, конечно, с германским.

Перечисление, понимаю, не самый лучший метод доказательства, но в данном случае прибегну именно к нему.

Что волновало фантастов тех лет? И не просто фантастов, а и прозаиков, и поэтов.

Почему так широко обращались они к оборонной теме, ставшей столь популярной?

Какой, наконец, отклик находили подобные книги, как у критиков, так и у читателей?

Романы Петра Павленко («На востоке», 1937) и Николая Шпанова («Первый удар», 1939) кое-кто еще помнит (они были, действительно, широко известны), но почти ничего мы сейчас не знаем о том же цикле талантливого Владимира Курочкина «Мои товарищи» (1937) — фантастические рассказы о грядущей войне, о героизме, о мужестве советских бойцов; о фантастической пьесе Влади-

мира Кириона (кажется, ничего больше в фантастике не сделавшего) «Большой день» (1936) — опять же грядущая война; о фантастическом романе Якова Кальницкого (в годы гражданской войны автор сам командовал полком Красной Армии) «Исплон (1930), герои которого создают сверхоружие для борьбы все с тем же фашизмом, начинающим наступление на СССР; о фантастической повести о будущей воздушной войне «Подсудимые, встаньте» (1933), созданной замечательным писателем Сергеем Диковским, впоследствии погибшим в боях с белофиннами; наконец, романы, повести, рассказы Антона Горелова, Сергея Буданцева, Николая Борисова, Николая Боброва и многих, многих других.

Картины масштабных будущих воздушных сражений рисовал в своих фантазиях Георгий Байдуков — известный летчик, Герой Советского Союза, участник полета через Северный полюс в Америку совместно с В. Чакаловым и А. Беляковым. Названия говорят сами за себя: «Разгром фашистской эскадры», «Последний прорыв»... Николай Автократов в повести «Тайна профессора Макшеева» (1940) описывал лучи, на расстоянии взрывающие чужие боеприпасы... Особой популярностью пользовался роман Николая Шпана «Первый удар» (1939) с типичным подзаголовком — «Повесть о будущей войне». В течение одного года «Первый удар» был издан сразу четырьмя издательствами! Герои романа — военные летчики; в несколько часов они заставляли фашистскую Германию сложить оружие.

И так далее...

Зная все это, легче понять внезапное обращение Сергея Белева к теме будущей войны, к теме развития авиации и нового, принципиально нового оружия.

К сожалению, открытия не произошло. Торопысь влести свой голос в хор уже давно звучащих голосов, Сергей Белев пошел по пути, уже давно проложенному другими. Склонность слышать, подменная язык давно наработанными штампами, считаю, и погубила роман.

Но только ли это?

«Советская литература, — писал В. Бугров в своей превосходной книге, — делала свои первые шаги, и в литературной критике нередко проявлялась резкая субъективность суждений. Находились люди, в корне отрицавшие всякую фантастику. «Бессмысленные мечтания» видели они в ней, «пустое развлекательство», и только. Не научную, вредную манювщищу. Те же, кто все-таки признавал за фантастикой право на существование, слишком крепко привязывали ее к «нуждам сегодняшнего дня». В ходу была формула, гласившая, что «советская фантастика — изображение возможного будущего, обоснованного настоящим». Собственно, сама по себе эта формула

не вызвала особых возражений, но у многих критиков она превратилась в некое всемогущее заклинание, с помощью которого мечте подрезались крылья и горизонты ее ограничивались ближайшими пятью-десятью годами....»

(Как частное замечание: в «Радиомозге» Сергей Беляев из 1928 года заглядывает в 1932, а в «Десятой планете» — из 1945 в 1956 год).

Советская критика 20—30 годов чаще всего утверждала тот тезис, что научную фантастику прежде всего должна интересоваться именно наука и техника, что она, фантастика, обязана изображать и популяризировать именно предполагаемые, в идеале — вполне возможные в ближайшее время, изобретения и открытия. А поскольку многие авторы научно-фантастических произведений того времени были, как правило, инженеры, техники, научные работники, то взгляд на научную фантастику, как на некую особую литературу и де й, все более и более утверждался. Получалось, изображать человека в такой литературе как бы и не надо. Достаточно было ввести в повествование некую абстрактную фигуру изобретателя или ученого, подробно, даже живо толкующего формулу и вычисления — и все, и достаточно!

Александр Беляев, известный однофамилец Сергея Беляева, будучи уже признанным автором нескольких романов, жаловался: «Невероятно, но факт, в моем романе «Прыжок в ничто», в первоначальной редакции, характеристике героев и реалистическому элементу в фантастике было отведено довольно много места. Но как только в романе появилась живая сцена, выходящая как будто за пределы «служебной» роли героев — объяснить науку и технику, на полях рукописи уже красовалась надпись редактора: «К чему это? Лучше бы описать атомный двигатель...»

Да, к сожалению, такое случалось чаще и чаще, более того — становилось законом.

Живое активно изгонялось из фантастики, замещалось голой схемой. (Представьте себе, что в знаменитой «Аэлите» Алексея Толстого инженер Лось только тем бы и был занят, что объяснял красноармейцу Гусеву тайны древнего Марса...) Исподволь, но все-таки упорно внушалась та мысль, что в научно-фантастическом произведении, с чем бы оно ни было связано, главное место должно отдаваться не человеку, не герою, не его поиску, а именно технической или научной (чаще всего — псевдонаучной) идее, опять же — лучше бы реальной, вполне возможной, вполне осуществимой в самое ближайшее время.

Идея начинала восприниматься как самоцель, как самое важное, что может быть в научной фантастике, как нечто такое, что вполне извиняет, снимает попросту любой другой недостаток.

«Доходило до курьезов (речь идет о 50-х годах. — Г. П.), — отмечает в своем известном исследовании литературовед А. Бригитков. — Писатель Долгушин вспоминает, как В. Орлов разобранна неплохую детскую повесть Георгия Гуревича «Тополь стремительный» только за то, что в лысенковских лесных полосах основной породой предполагался дуб. Значит, и писатель Гуревич должен был о дубе, а не о тополе...»

Эта тенденция, выросшая, точнее, искусственно возвращенная определенному толку критиками — говорить только о вполне возможном, только о реально достижимом, только о близком, ни в коем случае не забегающая в более или менее отдаленное будущее, ни в коем случае не вводит в фантастическую литературу живого человека с его стремлениями и страстями, заменять его умным манекеном, схемой, и привела к рождению печально известной теории «фантастики ближнего придела», особенно активно проявившей себя в 40—50-е годы в многочисленных фантастических романах и повестях Владимира Немцова, Вадима Охотникова и многих, многих других, сейчас уже забытых писателей.

В самом деле, зачем нам другие, будущие миры? Дел у нас хватает и в нынешнем. Зачем нам космические корабли? Не проще ли описать сверхзвуковой, управляемый по радио трактор или нового типа комбайн? Зачем вообще улетать мечтой в будущее? Мечтать можно и о сегодняшнем, о простом, о лежащем рядом...

В 1958 году, когда многое в нашей жизни оживилось, когда сама фантастика начала расцветать, поощренная неожиданным (на первый взгляд) рывком науки (над планетой уже кружились искусственные спутники), на одном из писательских совещаний Георгий Гуревич так отозвался о пресловутой теории «фантастики ближнего придела»:

«Сторонники ее призывали держаться ближе к жизни. Ближе понималось не идейно, а формально: ближе во времени, ближе территориально. Призывали фантазировать в пределах пятилетнего плана, держаться на грани возможного, твердо стоять на Земле и не улетать в Космос. С гордостью говорилось о том, что количество космических фантазий у нас сокращается...»

И далее:

«По существу, это было литературное самоубийство. У фантастики отбиралось самое сильное ее оружие — удивительность. Но жизнь опередила таких писателей. Пока мы ползали на грани возможного, создавая рассказы о новых плугах и немнущихся брюках, ученые проектировали атомные электростанции и искусственные спутники. Фантастика отставала от действительности...» («О фантастике и приключениях», 1960).

Разумеется, указанная тенденция не могла не повлиять на Сер-

гей Беляева — он всегда чутко прислушивался ко времени. И повинуясь она на него не в лучшую сторону. Я говорю сейчас о романе «Истребитель Z», не включенном в эту книгу. И поскольку просчеты, допущенные автором в этом романе, весьма типичны для фантастики того времени, останавливаться на нем более подробно.

Первый вариант этого романа, опубликованный еще в 1928 году под названием «Истребитель 17У», был, на мой взгляд, более динамичен, более прост. В том первом варианте чувствовалась экспрессия, здоровый соревновательный дух, он был переполнен загадками (к ним С. Беляев всю жизнь питал неистребимую страсть). К сожалению, готовя роман к изданию в 1939 году, С. Беляев кардинально переписал его — в «духе времени». Враги, естественно, стали черны как ночь, друзья светлыми как майское утро. Из текста будто специально (вспомним жалобы А. Беляева) вычеркнулись все живые характеристики, образы замещались схемами.

Некий Урландо, изобретатель чудовищных лучей смерти, которыми угрожает молодой Советской стране международный фашизм, ни с того ни с сего вдруг отправляется прямо к врагам, то есть в Советскую страну, нелегально, конечно. До него дошли слухи, что советские ученые вроде бы идут в своих исследованиях тем же путем, что и он. Претерпев массу приключений (иногда достаточно нелепых), Урландо выясняет, что советские ученые и впрямь создали удивительные вещи, но не в сфере вооружения, а в сфере хозяйства.

Роман удивлял вызывающей ликостью, безапелляционностью, сверхоптимизмом. В финале его страшная машина фашиствующего изобретателя без особых проблем уничтожалась нашими бойцами.

Говорить о легких будущих победах в конце тридцатых годов было принято, вспомним романы П. Павленко или Н. Шпанова. Вполне возможно, писатели эти и впрямь считали, что будущая победа придет сама собой, была бы крепка вера в вождя и не стеснялся бы волна всеобщего энтузиазма. На деле, в жизни, все оказалось не так, все оказалось страшнее. Нам ли не помнить, сколько жизней было отдано за Победу?

Удивлял и подход к науке.

Укоряя в дилетантизме Александра Беляева, критик А. Ивич в свое время писал: «Беляев в «Голове профессора Доуэля» перескакивает от замысла фантастической операции к ее результатам с поразительной легкостью, выбрасывая сведения о том, как удалась эта операция и почему она могла быть удачной... Вместо того, что бы показать подлинные перспективы науки, обусловленные ее историческим развитием, писатель уводит читателя в область идеалистических мечтаний о чудесах и бессмертии».

Можно, конечно, спорить, возможна ли истинная глубина в

научных выкладках фантастов, но то, как с наукой обращался в «Истребителие 2Z» С. Беляев, действительно, бросалось в глаза.

Пойдя на поводу у тенденций, подчинившись требованиям критиков «фантастики ближнего прицела», Сергей Беляев не нашел в себе сил создать вещь остро и серьезно. А он страстно хотел шагнуть в ногу со временем, он страстно хотел быть среди тех, кто уже сейчас, уже сегодня, внедряет в жизнь удивительные достижения современной науки и техники.

Прекрасное желание, если не возводить его в абсолюты.

Сергей Беляев не удержался, его всегда влекло к абсолюту. Перепиывая роман, он безнадежно заблудил в основе своей отнюдь не безнадежную вещь. Сегодня «Истребителие 2Z» интересен разве что коллекционерам ранней советской фантастики.

6

Разумеется, давление тенденциозной критики сказалось не только на работах С. Беляева. Одни писатели оставляли жанр, не желая полати в хвосте прогресса, другие дружно приспособились, выдавая этот хвост за авангард.

«Фантастика должна только развивать фантастические идеи науки!» — А. Михалковский.

«Книга должна учить бдительности!» — А. Ивич.

И, конечно, не один критик подозрительно присматривался: а на чем это там горючем работают так называемые фантасты?

Отсюда ряд вялых, псевдонаучных, зато внешне весьма оптимистических «произведений» с непрременной, как этикетка, сентенцией: «Быть с народом, жить для народа — вот истинный источник вдохновения!»

Все правильно, и в то же время — совершенно истертый штамп.

Типичной кондовкой для многих и многих романов, повестей, рассказов, созданных в 40-е и 50-е годы, могли бы послужить завершенные слова научно-фантастического романа Валентина Иванова «Энергия подвластна нам» (1951):

«Вы спрашиваете, а что дальше?

Я вам отвечу — дальше другие истории...»

А сейчас я слышу мерную поступь стальных легионов труда на мирных путях. Все наши друзья — в их рядах! Они идут на указанных им народом местах. Их поступь сильна и тверда. И они никогда не устанут, потому что идут в ногу с народом.

Пойдемте с ними!»

Этими фразами, не меняя в них ни слова, вполне можно было

завершать большинство научно-фантастических произведений того времени.

К счастью, никогда не бывает так, чтобы какой-то жанр был полностью узурпирован только ремесленниками, только плохими писателями.

В те же годы, о которых сейчас рассказывает Иван Ефремов уже опубликовал свои «Рассказы о необыкновенном» и «Беликую дугу», Александр Казанцев — «Пылающий остров», роман, вошедший в классику советской фантастики, Леонид Плагот — преходные, по-настоящему романтические «Повести о Ветлугине», Николай Плавильщиков — строго научное «Недостающее звено», Георгий Гуревич — «Иней на пальмах» и «Подземную непогоду»...

Но мы, молодые, не видели еще той волшебной грани, что отделяет мастерство от халтуры, мы набрасывались на любую книгу, лишь бы ее украсил гриф — «научная фантастика». Мы шли сквозь жанр вслепую, интуитивно отыскивая писателя, который по-настоящему рассказывал бы нам о мире, что нас окружал — что есть что? Мы многого еще не понимали. «Золотая медаль Атлантиды»? Годится. «История одного взрыва»? Годится. «Поющие пески»? Годится.

И все же, несмотря ни на что, Сергей Беляев со всеми его недостатками (а о большинстве их мы еще попросту не догадывались) был нам ближе, чем причисленный, всегда ровный и скупный В. Немов.

В 14—15 лет не верят, что массовый выпуск калаш важнее создания космического корабля...

К счастью, юность наша пришла на бурное время.

Я помню, какие ожесточенные споры вызвала опубликованный в 1957 году роман И. Ефремова «Туманность Андромеды». Писателя обвиняли во всех смертных грехах — от неуважения к институту материнства до проповеди чуть ли не технократического режима...

Запуск первого искусственного спутника Земли подвел итог этим спорам. Как это ни странно, нас «Туманность Андромеды» больше всего волновала тем, что мы впервые, наверное, держали в руках книгу, написанную нашим современником, и речь в этой книге шла не о том, какими счастливыми и веселыми мы будем лет через десять, речь в этой книге шла о том, какими мы можем быть через многие и многие тысячелетия.

Вопросы, вопросы...

Мы хотели знать.

Сама жизнь, ее изменяющаяся действительность, возвращала фантастике ее права. Оттого нам мало уже было приземленных, ашшених живого героя опусов, оттого нам мало было восторженно-

го оптимизма, в основе которого лежало, скажем, создание все тех же неснашиваемых башмаков. Несмотря на наш юный возраст, нам хотелось понять — почему это в небе кружат искусственные звезды, а герои Владимира Немдова возятся с приборами, которые лупь и заглядывают под землю, но так это метра на полтора? Или почему, собственно, считается фантастическим роман Вадима Охотникова «Первые держания»?

Вопросов было много...

Лично мне повезло: со школьных лет я знал необыкновенных собеседников. Я мог задавать волнующие меня вопросы академикам Д. И. Щербакову и И. И. Шмалгаузену, отнюдь не чуждымся литературы, ученому и писателю Н. Н. Плавильщикову, фантастам Г. И. Гуревичу, А. Д. Платову, И. А. Ефремову. Меня и сейчас поражает, как много щедрых и открытых людей всегда работало в советской фантастике, причем в 50-х отношения с этими людьми проявлялись в самых простых формах: вы могли написать письмо, вам непременно отвечали. Может, время было такое, а мо- жет, думаю иногда я, те же Н. Плавильщиков или И. Ефремов ви- дели в нас, молодых, не просто людей, желающих что-то узнать или понять, а вот именно людей будущего; мне кажется, им не хотелось, чтобы мы уходили от них в будущее, имея в го- ловах неверные ориентировки.

Вот что, например, писал А. Д. Платов (23.XII.1957):
«Нашим лучшим, ныне пишущим, советским фантастом является Ефремов. Читал ли ты его книги «Звездные корабли», «Великая дуга», «Белый рог»; «Озеро горных духов»? Это замечательные произведения. Советую тебе читать и перечитывать их. Чем силён Ефремов? Он ученый с очень широким научным кругозором и, кроме того, прожил ярко, богато приключениями жизнь: был в морях, и начальником экспедиций, и так далее. Он свободно берет любую научно-фантастическую тему, потому что у него хорошо организованное научное мышление. Между прочим, так говорил о себе Уэллс: «У меня хорошо организованый мозг». Уэллс был по образованию биологом, даже написал научную работу. Не случай- но так хорошо получился у него «Человек-невидимка». Я могу те- бе назвать еще одного советского фантаста, с которым я был зна- ком: Обручев, Владимира Афанасьевича. (В «Архипелаге исчеза- ющих островов» — это Афанасьев). Характерно, что Обручев, академик, написавший более 250 научных трудов, очень свободно обращался с наукой. Понимаешь ли: он мог себе это позволить! В основу «Плутонии» (кстати, написанной, по его словам, в пи- ку Жюльо Верну, который напутал по части геологии в своем романе «Путешествие к центру Земли») положена одна заведомо ошибочная гипотеза столетней давности...»

Когда я советовался в 1938 году по поводу своей повести «До-

рога Циклопов» с Героем Советского Союза Евгением Федоровым, только что вернувшимся с полюса, меня тоже поразило, как легко он находит решение тем «научно-фантастическим трудностям», с ко- торыми я обратился к нему. Он чувствовал себя запросто в мире научных фактов — вот что важно! Еще 20—30 лет назад можно было по-диетантски подходить к научной фантастике, покупая от- сутствие твердых знаний богатством выдумки и так далее. Сейчас сам понимаешь, этого нельзя... Ты можешь быть биологом, а на- писать об астрономии, это не исключено. Но научное мышление у тебя уже будет выработано, найден метод обработки материала. А затем уж идут фантазия, образный яркий язык, умение пред- ставлять характеры людей в сложных жизненных ситуациях и так далее. Мой совет тебе: живи в широко раскрытыми глазами и уша- ми, обдумывай жизнь, присматривайся к людям (к людям, а не к проблемам — это относится и к научной фантастике), в центре за- думанного произведения поставь человека: ученого, борца, открыва- теля, новатора. И пиши каждый день — для тренировки. Задача современной советской научной фантастики, по-моему, приобщить широкого читателя к миру науки, научить дальше видеть, заглядыв- ать вперед».

А одно из писем Н. Н. Плавильщикова (4.17.1958) заканчи- валось так:

«...Вот это-то «знание» и есть одно из двух основных условий работы: нужно знать то, о чем пишешь, и нужно уметь рас- сказать, то есть уметь «видеть» описываемое и уметь пе- редать это словами, не в живой речи, а на бумаге. Для того, чтобы иметь и то и другое, нужно время (особенно для приобретения зна- ний), а для писания еще и опыт. Способности — само собой, но некоторые «средние» способности есть почти у каждого, а Пушкины и Алексее Толстые — великие редкости и по ним равняться не приходится...»

7

Возможно, когда-нибудь в полном своде фантастики будет опу- бликовано с соответствующими комментариями все написанное тем или иным советским фантастом; ведь смысл цельного здания не только в его фронтоне и парадных входах, он еще и в его подва- лах, чердаках, черных лестницах. Мы, к сожалению, такой воз- можности — опубликовать все — не имеем: в книгу Сергея Беля- ева, предлагаемую читателям, входят романы «Приключения Са- мюэля Пингля», «Властелин молний» и «Радиомозг».

Пересказывать их содержание ни к чему, но кое-что сказать о них следует.

Страсть и любовь Сергея Беляева к загадке, к вечной тайне, к бесконечно длящемуся приключению нашла в себе выход в научно-фантастическом романе «Властелин молний». Здесь уже нет откровенно надуманных ситуаций, чем С. Беляев так грешил в «Истребителе», опыт прошлого пошел автору на пользу. Идея романа (успешное решение проблемы извлечения из атмосферы электромагнитной энергии и передачи ее без проводов на большие расстояния по ионизированным трассам) вроде бы и не слишком нова, идею эту в свое время разрабатывали и А. Зарин (в его рассказе «Приключения» (1929) описывался аппарат, создающий шаровые молнии и направляющий их полет), и талантливый Юрий Долгушин (в его знаменитом романе «Генератор чудес» (1939) опять же говорилось о передаче энергии на расстоянии без проводов), и многие другие фантасты (тема энергии никогда не оставалась писателей равнодушными), но главное — в романе С. Беляева появились, наконец, герои, близкие и понятные читателю, прежде всего — Таня, юная девушка из глухого угла, жадно тянущаяся к знаниям.

Кроме того, приключения героев (а там были и похищения, и убийства, мнимые и настоящие, там была научный поиск, крепко увязанный с реальной жизнью) работали на главную идею: новое всегда встречается препоны, побеждает лишь идущий!

Впрочем, ярче всего страсть Сергея Беляева ко всему необычайному проявилась в его лучшем, на мой взгляд, научно-фантастическом романе «Приключения Самюэля Пингля».

Помните?..

«Я родился в 1632 году, в городе Йорке, в зажиточной семье иностранного происхождения: мой отец был родом из Бремена и обосновался сначала в Гулле. Нажив торговлей хорошее состояние, он оставил дела и переселился в Йорк...»

У меня было два старших брата. Один служил во Фландрии, в английском пехотном полку — том самом, которым когда-то командовал знаменитый полковник Локхарт; он дослужился до чина подполковника и был убит в сражении с испанцами под Дюнкирхеном. Что случилось со вторым моим братом, не знаю, как не знали мой отец и мать, что случилось со мной.

Так как в семье я был третьим, то меня не готовили ни к какому ремеслу, и голова моя с юных лет была набита всякими бреднями. Отец мой, который был уже очень стар, дал мне довольно сносное образование в том объеме, в каком можно его получить, воспитываясь дома и посещая городскую школу. Он прочил меня в юристы, но я мечтал о морских путешествиях и не хотел слушаться ни о чем другом...»

Или:

«Мой отец имел небольшое поместье в Ноттингемшире; я был

третьим из его пяти сыновей... Хотя я получал весьма скудное содержание, но и оно ложилось тяжким бременем на моего отца, состояние которого было весьма незначительно; поэтому меня отдали в учение к мистру Джемсу Бетсу, выдающемуся хирургу в Лондоне, у которого я прожил четыре года...»

Вняв советам родных не оставаться холостяком, я женился на мисс Бергон, второй дочери Эдмунда Бергона, чулочного торговца на Ньюгейт-стрит, за которой получила четверста фунтов приданого. Но так как спустя два года мой добрый учитель Бетс умер, а друзей у меня было немного, то дела мои пошатнулись...»

Я процитировал начальные строки двух знаменитых романов Даниэля Дефо и Жонатана Свифта, а мог бы процитировать и любой другой — того же времени. Не правда ли, авторы не пытаются создать эффект правдоподобия, нет, они попросту настаивают на полной реальности изображаемого. А теперь сравните с процитированными кусками начало «Приключений Самюэля Пингля»...

Искусно имитируя классический английский роман о скитаниях и приключениях юноши из небогатой семьи, Сергей Беляев мастерски, на мой взгляд, написал портрет и удивительную судьбу юноши Самюэля Пингля, рядом случайностей оказавшегося связанным с таинственными, далеко идущими опытами некоего биолога Паклингтона, вынужденного работать над своим открытием втайне. Разумеется, не все откровения Паклингтона являются открытиями и на сегодняшний день.

«Если из тканей собаки выделить белок и искусственно придать ему способность паразитирования, а затем ввести в организм живой кошки, то можно вызвать перестройку ее белков; это сообщит кошке свойства собаки...»

Не знаю, конечно, сообщит ли... Скорее всего, нет... Но какие богатейшие возможности дарит это утверждение фантасту! Как живо он строит сюжет, как легко, отталкиваясь от этой гипотезы, подводит нас к размышлениям вообще о роли науки в нашей жизни. Одновременно мы внимательно следим за героем, мы сочувствуем ему в его бедах, мы желаем выйти ему победителем из самых, казалось бы, безнадежных ситуаций.

В «Приключениях Самюэля Пингля» Сергей Беляев вплотную подошел к психологической фантастике, к той фантастике, что так ярко заявила о себе в начале 60-х.

И как жаль, что после 1947 года Сергей Беляев уже не обращался к жанру, сулящему столько возможностей.

Эта книга — первая после долгого перерыва.

У каждой книги своя история. У каждой книги свое время. Вспомним сравнение: фантастика — айсберг... Книги Сергея Беляева, они тоже оттуда, со дна давно погружившегося на девять десятых в пучину времени айсберга.

К сожалению, в наши дни книгу, изданную в Ташкенте, почти не увидишь в магазинах Благоевденска или Минска, так же как книгу, изданную в Новосибирске, днем с огнем не сыщешь в магазинах Омска или Иркутска.

Зато существуют — и существовали всегда — неистовые любители фантастики, этого волшебного жанра, вдруг приоткрывающего перед нами завесу будущего, вдруг позволяющего заглянуть в невообразимо далекое доисторическое прошлое... Благодаря таким вот любителям фантастики — страстным, любопытным, нетерпеливым — в скором времени, я уверен, эта книга тоже начнет свое бесконечное путешествие по всем краям нашей огромной страны.

И это неудивительно.

Именно научная фантастика рядом своих замечательных особенностей — загадками, тайнами, динамикой, логикой, особым образом мышления, героями и необыкновенными идеями — привлекает самого массового читателя, и прежде всего — юного. Мы давно обязаны осознать тот факт, что чаще всего наши дети и внуки начинают знакомиться с миром, с наукой, с рядом важных и во всех смыслах серьезных представлений как раз благодаря научной фантастике.

Древняя Африка, Элада, далекий Север, призрачно освещенный полярными сияниями, таинственные зеркала бескрайних тропических морей — разве мы все это вбирали в себя не из книг все тех же И. Ефремова, А. Платова, Г. Адамова, В. Обручева?..

Далекое будущее, дымка веков, миры, то счастливые и безоблачные, то затянутые пеламом и дымом атомных бомбардировок — разве узнавали мы о них не из романов Александра Беляева, Александра Казанцева, Сергея Снегова, братьев Стругацких?.. Необыкновенные машины, безумные гипотезы, дерзкие проекты, перекройка старых и создание новых миров — разве узнавали мы обо всем этом не из книг все тех же Юрия Долгушина и Георгия Гуревича?..

Конечно же, это так...

И среди множества голосов, сильных и слабых, схожих и очень различных, звучит до сих пор неровный, но своеобразный голос Сергея Беляева.

Да, он был человеком своего времени (заметьте, сложного времени), он поддавался тем или иным, иногда не лучшим, влияниям, случалось, он сбивался на ложный путь, но вот странно — прочитав-

шие эту книгу заметят, наверное, что время проходит, а память не теряет прочитанного.

Вот доктор Тах, не сразу внушающий к себе доверие, вот Мишутка, сочинивший «пролетарскую симфонию для домра», вот несколько наивная, но по-настоящему честная и чистая Тая и, наконец, неунывающий Сэмюэль Пингль...

Вот все это и есть — детали к биографии жанра.

Первая тетрадь	123
Вторая тетрадь	149
Третья тетрадь	160
Четвертая тетрадь	183
Пятая тетрадь	203
Шестая тетрадь	213
Седьмая тетрадь	226
Восьмая тетрадь	240
Девятая тетрадь	268
Десятая тетрадь	283
Одиннадцатая тетрадь	308
Двенадцатая тетрадь	334

СОДЕРЖАНИЕ

РАДИОМОЗГ

I. Пропажа	5
II. Ночная встреча	10
III. Новая дача	17
IV. На торжестве	20
V. Неожиданность	24
VI. За рубежом	27
VII. Загадка мертвецкой	33
VIII. Голый человек	36
IX. Головная боль	40
X. «Золотой павлин»	43
XI. Отдел точной механики	47
XII. Под зимним солнцем	52
XIII. Голубой цвет	57
XIV. Дуня Рогова	62
XV. Товарищ Акст, инспектор розыска	66
XVI. Зеркальный шкаф профессора Толье	70
XVII. Что знал Так	73
XVIII. Чтение мыслей	78
XIX. Поиски	81
XX. Передача мыслей на расстоянии	84
XXI. Дача профессора	88
XXII. Подвал стуженного эфира	92
XXIII. За работу	95
XXIV. Рассказ Газа	99
XXV. «Пасть дьявола»	108
XXVI. Западня	111
XXVII. Среди вечных снегов	116
XXVIII. Последняя радиопередача	119

ВЛАСТЕЛИН МОЛНИЙ

Жизнь загадывает

I. «Доброе утро!»	362
II. Кольцо	366
III. Огненные бусы	370
IV. Розовая ночь	373
V. Грохотов	375
VI. Полевая станция ЭИВР	378
VII. Опять огненные бусы	382
VIII. Исчезнувшая антенна	387

Охотники за молниями

IX. Среди снеговых гор	391
X. Странное сооружение	395
XI. Засвидетельствованные факты	397
XII. Пройденный этап	400
XIII. В вихре молний	404
XIV. «А если тайн нет?»	407
XV. Как тесен мир!	412
XVI. Дерзновенные мечты	419

Укрошенная молния

XVII. Лаборатория высоковольтных разрядов	424
XVIII. Вероятная невероятность	427
XIX. Голова Медузы	431
XX. Туманность в созвездии Южного Циркуля	434
XXI. Двенадцатый вступ Скрябина	438
XXII. Светофильтры и фото	443
XXIII. Дюгадка	448

XXIV. Накануне решения	453
XXV. При вспышке фонаря	456
XXVI. Случно быть улиткой!	460
XXVII. Анод	463
XXVIII. Молнии в плену	467
XXIX. Необычное дежурство	471
XXX. Утро	474
XXXI. «Эпсилон-4»	476

Встречи, раскрывающие все

XXXII. В Заполярье	479
XXXIII. Торжество в Радийграде	485
XXXIV. Молния и пепел	488
XXXV. Тайна кольца и перчатки	492
XXXVI. В чем заключалась ошибка	498

Геннадий Прашкевич. К биографии жанра	504
---	-----